

влекательною наружностію. Гдѣ, въ какомъ домѣ и какъ устроена была сцена, не знаю, какъ равно зачѣмъ когда и почему все это разстроилось, не могу объяснить; это все было *на моей памяти*. Подростая и бывая иногда въ обществѣ, слышала я отъ всѣхъ сожалѣніе, что нѣтъ у насъ театра. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ чиновниковъ придумывали, какъ бы пособить горю, приступали, устраивали по временамъ спектакли, но все это, послѣ перваго представленія, разрушалось. Не было мѣста, гдѣ бы можно было хотя кое какъ устроить сцену и собрать актеровъ, сколько нибудь понимающихъ дѣло⁴.

Подъ тѣми „дивертиссесментами“ которые давалъ Иваницкій, нужно вѣроятно, подразумѣвать то, что называлъ Болотовъ „нѣкоторымъ родомъ балета“, который можно было „проигрывать безъ всякаго умѣнья“ Пустыбасъ въ граціозности и позы“. Въ какомъ именно петербургскомъ театрѣ служилъ Иваницкій до появленія его въ Харьковѣ, если только онъ не самозванно именовавъ себя „отставнымъ“ петербургскимъ тансеромъ? Въ „Архивѣ дирекціи Императорскихъ театровъ“ о немъ не упоминается. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что онъ не въ какомъ случаѣ не принадлежалъ къ „штату придворныхъ зрѣлищъ и музыкъ“ *. Очень можетъ быть, что онъ участвовалъ въ эрмитажныхъ балетахъ, плясалъ нѣкогда съ знаменитымъ Лефевромъ и Тимошкою Бубликовыми, и, выслуживъ убогую пенсію, отпирался на югъ, узнавши о появленіи въ Харьковѣ „общества“, въ надеждѣ найти наживу въ городѣ, не видѣвшемъ никакихъ „антрапа“. Весьма вѣроятно также, что онъ былъ выпущенъ для устройства спектаклей въ Харьковѣ по случаю открытія наместничества **. Какъ бы тамъ ни было, исторія „настоящаго“ харьковскаго театра ведетъ свое начало съ балета, хотя и крайне незамысловатаго.

Съ прекращеніемъ спектаклей „петербургскаго дансера“ возобновленіе театра было лишь дѣломъ времени: потребность въ немъ уже существовала, Екатерина II усердно поощряла открытіе провинціальныхъ театровъ, людямъ, стоявшимъ во главѣ областной администраціи, было это извѣстно, да и мода на зрѣлища, проникшая изъ Петербурга въ про-

винцию, дѣлала свое дѣло. Къ слову сказать, провинціальныя театры въ то время уже не составляли рѣдкости и Харьковъ относительно перваго устройства театра остался отъ нѣкоторыхъ городовъ. Въ Тулѣ и Калугѣ, напримѣръ, театръ былъ основанъ еще въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, но объ этомъ будетъ рѣчь дальшѣ. О глуховскомъ французскомъ театрѣ 1751 года мы уже упоминали раньше. Въ предисловіи къ старинной комедіи („веселому игрищу“) *Трактиръ или Питейный домъ* читаемъ: „Переводила на російскій языкъ дѣвица Н. Н., пребывавшая въ одномъ изъ Украинскихъ городовъ, гдѣ и комедія ея на тамошнемъ театрѣ нѣсколько разъ представлена была. Напечатана въ С.-Петербургѣ. Императорскаго Россійскаго театра г-жѣ актрисѣ Сафроновой приносится отъ переводчицы 1777 г.“ * Сафронова играла въ Петербургѣ второстепенныя роли **. О какомъ изъ „Украинскихъ городовъ“ здѣсь говорится, не извѣстно. Очень можно бытъ думать, что о Елисаветградѣ, который познакомился съ театромъ еще въ 1770 году, когда была тамъ разыграна комедія мѣстнаго коменданта Черткова „Кофейный домъ“, — того самого Черткова, который былъ впоследствии Воронежскимъ и Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ ***. О ярославскихъ спектакляхъ, „основателя русскаго театра“ Волкова, относящихся къ 1752 году, нѣтъ надобности распространяться: они всѣмъ извѣстны. За то, конечно, весьма немногимъ извѣстно, что первый областной городъ, въ которомъ появился въ Россіи театръ, правда, иностранный, былъ Архангельскъ. Въ Архангельскѣ проживало такъ много иноземцевъ, что въ немъ уже въ 1707 г. существовалъ публичный театръ, „комедіи, на которой были воеводы и всякіе люди, какъ мужи, такъ и женщины и били по гривнѣ“ ****

* * *

„Настоящий“, и при томъ публичный, театр снова появился въ Харьковѣ въ 1791 году. На этотъ разъ онъ уже былъ созданъ не „дансеромъ“ и не ограничивался „балетами“, а выдвинулъ на первый планъ комедію и оперу.

„Въ 1789 году, говоритъ Г. О. Квитка: опредѣленъ былъ въ Харьковъ губернаторомъ, или, какъ тогда называли, правителемъ губерніи, бригадиръ Оеодоръ Ивановичъ Кишинскій, до того служившій въ штатѣ свѣтлѣйшаго Потемкина, генераль-губер-

натора Харьковскаго *. Съ прїѣздом
новаго начальника, у насъ все оди-
шевилось: председатели, совѣтники,
прокуроры, стряпчіе разныхъ прису-
ственныхъ мѣстъ, большая часть ко-
ихъ нынѣ уже забыта и по назва-
ніямъ, съ своими семействами соста-
ляли многолюдное общество. Супруги
и двѣ дочери губернатора поддержа-
вали въ немъ единопутіе: были съ
каждымъ ласковы, ко всѣмъ привѣт-
ливы, обращались искренно, по-рус-
ски, безъ гордости, безъ чванства; всѣ
любили ихъ, безпрестанно посѣщали
или угощали ихъ у себя. Начались
въ Харьковѣ балы, маскарады, благо-
родныя собранія, называвшіяся тогдѣ
клубами. Къ умноженію увеселеній
губернаторъ предлагалъ основать те-
атръ. Всѣ приступили съ усердіемъ

„Не прошелъ мѣсяцъ, какъ театръ огромный по Харькову, съ ложами другими принадлежностями, былъ открытъ. Вотъ какъ это было.

„По случаю проѣзда Государыни Императрицы Екатерины II, въ 1788 году, чрезъ Харьковъ, къ такъ называвшемуся, съ открытія намістничества востроенному дворцу, гдѣ теперь помѣщаются правленіе университета, квартира попечителя, пристроена была внутри двора временная изъ досокъ, но обширная зала, кругомъ сѣнами, въ два яруса, внутри расписанная. Въ этой залѣ дворянство намістничества и чиновники удостоены были счастія быть на балѣ, данномъ для нихъ Ея Величествомъ. Послѣ того зала не была никѣмъ занимаема. Въ ней то устроенъ былъ театр“.

Объ этомъ же самомъ событіи въ „Запискахъ“ Ярославскаго находимъ слѣдующія подробности:

„Помню, что передъ масляной 178 года, въ ужасную мятель, прѣхалъ въ Харьковъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, проѣздомъ въ Петербургъ, и остановился у губернатора Теодора Ивановича Кишинскаго, который жилъ во дворцѣ, построенномъ еще до 1787 года, во время путешествія Императрицы Екатерины II на обратномъ пути изъ Крыма; тамъ наши пѣвчіе и музыканты встрѣчали ее хорошо. Теперь въ этомъ дворцѣ помѣщается университетъ. Къ этому дворцу тогда пристроена была обширная деревянная зала въ два этажа; потолокъ ея поддерживался вокругъ внутри всей залы столбами, между которыми находились хоры, а самая зала соединялась съ дворцомъ галлереею. Помню, рассказывали много, что, во время пребыванія въ Харьковѣ Императрицы, она угощала въ этой залѣ харьковскихъ дворянъ обѣденнымъ столомъ, сама же находилась на хорахъ и смотрѣла

нихъ. Бѣроятно, въ этой же залѣ онъ слушала рѣчь, сказанную ей отъ лица всего дворянства Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ, награжденнымъ при этомъ ордепомъ св. Владимира 3-й степени. Всѣ губернскіе чиновники получили награды, и мой дядя получилъ отъ нея въ подарокъ перстень. Первые дамы города Харьковъ поднесли ей свои рукодѣла, и милостивая Государыня также удостоила ихъ наградъ. Въ 1791 году губернаторъ Кишинскій велѣлъ моему дядѣ (губернскому архитектору А. Ярославскому) устроить въ этой деревянной залѣ театр, но устройство котораго два раза въ недѣлю бывали представленія для увеселенія харьковской публики; а въ 1797 году зала при губернаторѣ Тепловѣ разобрана, и съ тѣхъ поръ театральныя представленія въ Харьковѣ вовсе уже не бывали“ *

Какое впечатлѣніе производило зданіе, отведенное Кишиневскимъ для театра? Если вспомнить правы „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма“, и тожественность, которую сопровождалось путешествіе Екатерины II южной Россіи, то нельзя не придти къ заключенію, что зала, въ которой она угощала дворянъ, и снаружи, и извнутри соотвѣтствовала изысканнымъ требованіямъ эпохи „великолѣпнаго князя Тавриды“ и что, следовательно,

Кишиневский отъезд для театра здание, изяществу которого могли бы позавидовать и теперь еще многие губерние города,—здание, которое вполне гармонировало съ богатствомъ „двора“ харьковского намѣстника Госупрыни **.

* „Киевская Старина“, 1887 г., сентябрь, стр. 414 и 415.

** Академик Зуевъ, посетившій Харьковъ въ августѣ 1781 года, слѣдующимъ образомъ описалъ „дворецъ“ и пристроенную къ нему тронную залу, которую не надо смѣшивать съ залой, пристроенной къ дворцу въ 1771 году и обращенной въ театр. „Въ крѣпости имѣется намѣстнической каменный домъ, крытый по всемоу строению и службамъ личнымъ желѣзномъ, о двухъ этажехъ. Подъ него—прямой уголъ—построено деревянныя, на подобіе театра, домъ, гдѣ открывалось изѣстничество и гдѣ одна половина была изрѣдлена для жилья намѣстнику, а другая для выбора судей. Однако, когда генералъ-губернаторъ Щербининъ, который управлялъ и Воронежскимъ намѣстничествомъ, избравъ здѣшній городъ (т. е. Харьковъ) своимъ пребываніемъ, ибо оны здѣсь былъ долго и прежде губернаторомъ, то построилъ ему синѣликовныя хоромы, которая, прямо дворецъ, представляютъ губернатору же опредѣленныя перестройть тотъ намѣстнической домъ (Зуевъ. *Путешественныя записки*, стр. 183). Щербининъ былъ первымъ губернаторомъ Слободско-Украинской губерніи, т. е. съ 1765 г., харьковскимъ же намѣстникомъ, онъ былъ палачемъ веры послѣ открытія Харьковского намѣстничества въ концѣ 1780 года (Полн. собр. заз. т. XVI, № 12342, 12344, 12356, 12357 и 1240) и т. XX, № 15097). „Для помѣщенія ушвертета, читаемъ въ *Историко-статистическомъ описаніи Харьковскаго ушвертета* Фодѣва (стр. 2): „исходатавствованы были у Государя для записки дома, въ которыхъ имѣли квартиру Слободско-Украинскаго губернатора и вице-губернатора и въ которыхъ оныя въ строгостный по плану Высочайшаго Раставленія заведенныя, тѣмъ, что въ немъ изволѣло оставаться въ Елизавету II въ бытность ея въ Харьковѣ въ 1777 году, на обратномъ пути въ Таганрогъ“.

Влажнѣйшимъ помощниковъ Ярославскаго по приспособленію залы для театра былъ нѣкто Л. С. Захаржевскій извѣстный подъ именемъ „губернскаго механика“. Онъ поставилъ сцену, росписалъ двѣ декорации — комнату и лѣсъ, устроилъ занавѣсь, — лошадками, украшавшими авансцену, прехитро придумавъ повѣсить доску, которая могла въ случаѣ надобности производить ночь¹; онъ даже загнѣвалъ сдѣлать такую машину, чтобъ декорации пережѣнялись по свистку, но безуспѣшно. Для публики были устроены слѣдующія мѣста: на хорахъ — 12 большихъ ложъ (каждая на 12 душъ) и галлерей, внизу — кресла и партеръ. На пріобрѣтеніе вещей, нужныхъ для открытія спектаклей, пошло 100 рублей, собранныхъ изъ подпоскѣй. Труппа составилаcя изъ канцелярскихъ чиновниковъ, и школяровъ. Женскія роли исполнялись мужчинами; другой „Маливинъ“ не нашлось: нѣсколькимъ дамамъ „по обстоятельствамъ и предполагаемой способности предлагали играть за плату, по охотницѣ „идти на безславіе“ не оказалось. Представленія начались въ Успенскую ярмарку комедіею Княжнина *Неудачный примиритель или безъ обиды домой походу*. „Зрители наполняли весь обширный театръ, и рукоплесканіямъ конца не было“.

Въ первые же дни по открытіи театра явился и „настоящій“ актеръ, Дмитрій Москвичевъ, предложившій поставить нѣсколько комедій и „оперъ“. Для перваго дебюта его назначена была „опера *Князь трубочистъ, трубочистъ-князь*“ (перев. съ итал. Дмитревскаго). За неимѣніемъ партитуры ее обратили въ комедію. Москвичевъ былъ сержантъ Орловской губернской роты. Онъ не разъ устранился въ Орлѣ спектакли, посѣщавшіеся мѣстною знатью, и поэтому былъ лично извѣстенъ Орловскому губернатору, который въ день дебюта Москвичева посѣтилъ Харьковскій театр. Только что Москвичевъ вылъзъ изъ трубы и запѣлъ веселые куплеты, какъ увидѣлъ сидящаго въ креслахъ начальника и остолбѣлъ. — „Не робѣй, Дмитрій, не робѣй!“ закричалъ ему тотъ. Дмитрій оправился и благополучно довелъ свою *роль* до конца. Въ тотъ-же вечеръ Москвичевъ, по соглашенію двухъ губернаторовъ, былъ переведенъ изъ Орловской губернской роты въ Харьковскую. „Настоящій актеръ“ сталъ любимцемъ публики. Игралъ онъ, къ величайшему удовольствію зрителей, дѣлалъ намеки на сценѣ присутствующихъ. Такъ, наприимѣръ, расмѣявъ въ „Мельникѣ“ сти хи —

А вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много,

Москвичевъ слово „кого“ замѣнилъ
фамиліей одного изъ богатыхъ куп-

довъ, сидѣвшихъ въ театрѣ: или Карпова, или Манухина, или Сабурова. Поднятый на смѣхъ коммерсантъ конфузился, а публика потѣшалась его смущеніемъ и аплодировала.

Через два года послѣ дебюта Москвичевъ женился на славившейся въ Харьковѣ цыганкѣ Лизаветѣ Гавриловнѣ или, какъ ее обыкновенно звали, „Лиззи“, которую послѣ свадьбы Москвичевъ объявилъ, что жена его будетъ играть Асюту въ оперѣ „Мельникъ“. „Нѣсколько дней передъ такимъ необыкновеннымъ событіемъ только и рѣчи было что наконецъ то будетъ у насъ оперищи, а это знавала Лизку, тотъ предугадывалъ, чего можно ждать отъ ея появленія на сценѣ...“ Но вышла Асюта. О Аполлонъ! Чего тутъ не было! Единственная женщина на сценѣ, и женщина молодая, хорошенькая, съ черными, живыми глазами, овоко играющая, очень мило и прелестно поющая, быстрымъ и зоркимъ взглядомъ сидящихъ въ зрѣлахъ. Все было въ изступленіи.“ Конечно, многіе мужчины никакъ не могли удержаться, чтобъ въ отвѣтъ на „быстрые взоры“ Лизки не „подмигнуть ей съ легкимъ прищелчкомъ“. Лизка стѣла примадонною и особенно отличалась въ „операхъ“.

Труппа увеличивалась, и скоро на жалованье числилось уже два актера и три актрисы. Наконец, по распространенным слухам „прибыль в Харьбе“ отставной придворный артист Костаптинъ и привезъ съ собою трех актеров“. Вновь сформированная труппа состояла из шести мужчин и трех женщин. „Лизка“ попрежнему была примадонною.

Публика полюбила Константинова. Наибольший успехом пользовался в роли Бзсерля и обыкновенно послѣ *Боев* бывалъ „боленъ“ т. е. опохмѣлся дня по три. „Мѣстная знатъ“ приняла Константинова въ свое общество, и ужъ разумеется, не такъ третиновала его, какъ Лизку и Москвичка.

* *

Такожь какъ Константинъ игралъ
весьма видную роль въ исторіи Харь-
ковского театра, то мы считаемъ не
лишнимъ привести здѣсь все, что намъ
извѣстно о немъ и его дѣятельности,
до появленія его въ Харьковѣ.

В дѣлѣ Петербургской театраль-
ной дирекціи сохранился слѣдующій
ордеръ князя Юсупова отъ 20-го ю-
ня 1793 г.: «Принять въ службу,
по желанію въ число русской тру-
пы, бывшаго напередъ сего въ Туль-
скомъ наставника артистовъ Тро-
фима Кондратьева, съ жалованьемъ,
считая съ 1-го числа сего года,
по 500 руб. въ мѣсяцъ на казенную квар-
тиру и дровъ по 12 сажень въ
годъ, а съ 1-го числа сего каждый-же годъ

въ октябрѣ мѣсяцѣ бенефисѣ, доколѣ
въ службѣ состоятъ будетъ. И дол-
женъ онъ, Константиновъ, какъ и ак-
теръ Плавильщиковъ, играть по дра-
матическому театру первыя роли и
характеры въ трагедіяхъ, комедіяхъ
и драмахъ и дѣлать оныя съ помяну-
тымъ Плавильщиковымъ, и въ небыт-
ность его, то все ему—Константино-
ву играть, да сверхъ сего, если на-
добности потребуетъ, то долженъ онъ
занимать трагическихъ царей и въ
операхъ пѣть благородныхъ любовни-
ковъ“. Сразу занявъ въ петербург-
ской труппѣ весьма видное положеніе,
въ второе мѣсто послѣ знаменитаго Дми-
трія Евлевскаго, Константиновъ, судя по все-
му, не оправдалъ возлагавшихся на
него надежды и ужъ во всякомъ слу-
чаѣ не замѣнилъ даровитаго Плавиль-
щикова, перешедшаго на Московскую
сцену. Этимъ, вѣроятно, и объясняется,
почему всего полтора года спустя послѣ
начисленія Константинова въ петер-
бургскую труппу, 30-го октября 1794
г. князь Юсуповъ приказалъ объ-
винить Константинова, что по прошествіи
шести мѣсяцевъ онъ будетъ уволенъ
отъ службы. Константиновъ отнесся
къ этому рѣшенію, какъ человѣкъ,
умѣющій faire bonne mine au mauvais
procès, хотя и не упустилъ случай косвен-

упрекнуть своего начальника въ нарушении слова и въ которомъ коварствѣ. Въ то время Константинову еще не были уплачены сполна слѣдующему отъ дирекціи деньги за гарантированный ею бенефисъ. Напоминавъ въ прошеніи, поданномъ на имя князя Юсупова, онъ писалъ: „Принимая службу подъ начальствомъ вѣрныхъ и имѣя на лестно оной продолженіе всегда передъ глазами своими увѣрительныя вашего сіятельства писма, совершенно меня обезпечивающія въ моихъ правахъ, я всегда со стороны особы вашей былъ доволенъ и спокоенъ“. Изложивъ, заѣмъ, свою просьбу и упомянувъ тутъ же о разстройствѣ своего состоянія происшедшемъ вслѣдствіе неаккуратности дирекціи, Константиновъ такъ заканчивалъ свое прошеніе: „Относительно объявленія, изданнаго мнѣ отъ имени вашего сіятельства, имѣю честь довести, что я онымъ весьма доволенъ, потому какъ болѣе, что оно совершенно согласное съ моимъ желаніемъ. Въ продолженіе моей службы я, опытно узнавъ невыгодность здѣшней жизни, не былъ амѣренъ болѣе ее продлить, какъ въ 1-го мая будущаго года, и заблаговременно желалъ довести о семъ вашему сіятельству, но какъ къ моему счастью вы благоволили призвать къ оному меня благонадежныя, то я и принялъ это съ полнымъ воспоминаніемъ о вѣрномъ заступничествѣ“. Не ожидая истеченія даннаго ему срока на продолженіе службы, Константиновъ самъ возложилъ прошеніе объ отставкѣ и былъ доволенъ отъ низшей должности

* Вь „Архивѣ“ не упоминается и о Концевичѣ, хотя Концевичъ несомнѣнно былъ придворнымъ музыкантомъ (см. мою статью Харьковская музыкальная старина“, „Южный Край“ за текущій годъ № 4436).

из Б. И. Исторической трилогии Харьковской губернии. К. П. Шелкова (стр. 132), говорится, что на этот день на валу, где теперь университетская гора, было народное гуляние с фейерверком и дилеммацией и *масштабное представление*. Шелкова ссылается на этого на какого-то «старожиле»

* Сопикова Опытъ российской библиографіи, 1855, Смирнова Русскія 1828-1843, № 7995.

*** **Арапова** Лепотиса русская театры: 117.

31, Лешевъ съставленъ на „Држав. Губ. вѣдом.“, 1850 г. № 25.

8-го января 1795 года *, Онъ не поправился Петербургу, но и Петербургъ, очевидно, не особенно привлекалъ его. Обманувшись въ своихъ надеждахъ на успѣхъ въ столицѣ, онъ, видимо, хотѣлъ поскорѣе разстаться съ нею и вернуться въ провинцію. На этотъ разъ ему пришлось отправиться уже въ Тулу, изъ которой онъ пріѣхалъ въ Харьковъ. Когда именно онъ прибылъ сюда, неизвѣстно. Вѣроятно, немедленно вслѣдъ за выходомъ изъ петербургской труппы. Очень можетъ быть, что онъ потому именно такъ и сѣшилъ разстаться съ нею, что заручился приглашеніемъ въ Харьковъ. Если предположить, что Константиновъ началъ играть въ Харьковѣ въ началѣ 1795 года, то значить онъ пробылъ здѣсь менѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ по словамъ Г. О. Квитки Константиновъ уѣхалъ отсюда послѣ объявленія государственнаго траура по случаю кончины Императрицы Екатерины II, Екатерины же II умерла 6-го ноября 1796 года.

Въ дополненіе къ только, что приведеннымъ свѣдѣніямъ о харьковскомъ періодѣ дѣятельности Константинова приведемъ все то, что сообщаютъ о немъ князь Шаховской и Араповъ.

По словамъ князя А. Шаховскаго, Константиновъ перешелъ на петербургскую сцену „съ казанскаго театра“ на ваканціи Плавильщикова и Шушерина, двухъ знаменитостей того времени, „уволенныхъ“ въ Москву. Что князь Юсуповъ дѣйствительно, имѣлъ въ виду замѣнить Константиновымъ Плавильщикова и Шушерина, это несомнѣнно, ибо хотя въ „ордерѣ“ въ силу котораго Константиновъ былъ принятъ на службу и упоминался только Плавильщикова, но къ репертуару Константинова въ немъ не снесены и тѣ роли, которыя исполнялись прежде и Шушериннымъ **. Но князь Шаховской ошибается, говоря, будто Константиновъ былъ выпущенъ изъ Казани. Намъ уже извѣстно, что онъ прибылъ въ Петербургъ изъ Тулы ***.

Чей былъ тотъ тульскій театръ, въ которомъ игралъ Константиновъ до переѣзда въ Петербургъ? Изъ Записокъ Болотова видно, что въ Тулѣ давались спектакли пріѣзжею изъ Кадуги труппою еще въ 1777 году во время празднествъ, которыми сопро-

вождалось открытіе намѣстничества. Эта труппа состояла изъ приказныхъ. Тогда же былъ построенъ въ Тулѣ, по приказанію намѣстника, „деревянный и довольно просторный театралный домъ“. Въ 1787 году въ этомъ театрѣ были даны, между прочимъ, комедія „Хвастунъ“ и опера „Бочары“. Въ томъ же году его посѣтила, проѣздомъ черезъ Тулу, Императрица Екатерина II. Въ 1794 году Болотовъ былъ въ этомъ театрѣ на „Севильскомъ цирюльничѣ“. Въ 1795 году, говоритъ онъ: князь Щербатовъ привезъ своихъ комедіантовъ на славу онѣхъ въ Тулу. Этихъ „комедіантовъ“ видѣлъ и Болотовъ. „Театръ былъ славный Щербатовскій, замѣчаетъ онъ, упоминалъ въ одномъ изъ его спектаклей. Представляли комедію „Чужое слово“. Народу было великое множество. Послѣ комедіи представляли балетъ и довольно изрядный“. Не въ славномъ ли Щербатовскомъ театрѣ игралъ и Константиновъ до своего появленія въ Петербургѣ?

Князь Шаховской называетъ Константинова „пренесчастнымъ трагикомъ“. Араповъ отзывался о немъ тоже какъ о „весьма посредственномъ актерѣ“, „завиравшемъ“, однако, въ Петербургѣ нѣкоторое время, „первыя драматическія роли“ **. Въ Петербургѣ, гдѣ Константинову пришлось выступать въ роляхъ такихъ замѣчательныхъ артистовъ, какъ Плавильщикова и Шушерина, онъ не могъ производить выгоднаго для себя впечатлѣнія, тѣмъ не менѣе онъ принадлежалъ все таки къ числу выдающихся провинціальныхъ актеровъ того времени, почему и былъ приглашенъ въ Петербургъ.

Возвращаясь къ прерванной нити разсказа о харьковскомъ дворцовомъ театрѣ до Константинова и при немъ.

Актеры—любители, игравшіе первое время по открытіи театра, за свой трудъ не получали никакаго вознагражденія. „Настоящимъ“ же актерамъ, какъ только они появились, было назначено жалованье, отъ 30 до 70 рублей въ годъ. Съ 1795 года „Лизка получала уже 300 руб., прочіе—отъ 70 до 250“. Сверхъ жалованья она при Константиновѣ имѣла еще и бенефисъ. Константиновъ жалованья не получалъ: вскорѣ послѣ своего пріѣзда онъ, „съ согласія публики“, сдѣлался содержателемъ труппы, и былъ совершенно обезпеченъ сборами, конечно, превъшедшими, зачетомъ всѣхъ расходовъ, то жалованье, которое онъ получалъ въ Петербургѣ. До Константинова обязанности директора театра исполнялъ по назначенію

губернатора одинъ изъ чиновниковъ.

Не малое подспорье въ матеріальномъ отношеніи доставлялъ лучшимъ тогдашнимъ актерамъ и актрисамъ одинъ изъ способовъ одобренія игры публикою. Въ тѣ времена и въ столицахъ и въ провинціальныхъ городахъ зрители выражали свои восторги не только „плесканіемъ рукъ“ и криками „фора“, но и болѣе существеннымъ образомъ—бросаніемъ на сцену денегъ *. Вотъ что разсказываетъ Асаковъ объ этомъ обычѣ: „денеги бросались актеру или актрисѣ прямо на сцену во время самаго представленія. Иногда дѣлали складчину заранее, иногда импровизировали ее тутъ же, въ креслахъ: чей-нибудь кошелекъ наполняли серебромъ и золотомъ, или ассигнаціи завертывались въ бумагу, и подарокъ бросался къ ногамъ дѣйствующаго лица. Я видѣлъ, какъ сумасшедшая Нина (въ оперѣ *Нина или сумасшедшая отъ любви*) приходила въ себя, поднимала кошелекъ и... дѣлалась опять сумасшедшею Ниною. Такіе знаки одобренія состояли не менѣе какъ изъ ста рублей, а въ экстренныхъ случаяхъ доходили до 200“ **. И въ Харьковѣ нерѣдко „летали на сцену кошельки съ рублевыми“.

Актеры и „актерши“ того времени имѣли и еще одинъ источникъ доходовъ: они сами развозили билеты на свои бенефисы по домамъ зажиточныхъ людей, и получали такъ называемые *призы*. Богатый театралъ платилъ за билетъ вдвое, втрое, ради чего и предпринималось путешествіе по городу. „Поощритель искусства“ высылалъ деньги черезъ лакея и поручалъ ему угостить актера или „актершу“.

Первые два года, до появленія Лизки, игрались чаще всего Сумароковскія комедіи. Съ особеннымъ стараніемъ готовили *Недоросля* Фонъ-Визана: репетиціи продолжались цѣлый мѣсяцъ. Изъ оперетовъ или, какъ тогда говорили, „малыхъ оперъ“ были поставлены въ первый годъ:

„Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать“ (комическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Аблесимова, музыка Оюмина) „Два охотника“ (комическая опера въ 1 дѣйствіи Ансома, переводъ съ французскаго Крыжановскаго, музыка Оюмина) и „Говорящая картина“ (комическая опера въ 1 д., пер. съ франц. князя Хилкова), на другой—„Добрые солдаты“ (ком. оп. въ 3 д., соч. Хераскова, муз. Раупаха) и „Сбитенщикъ“ (ком. оп. въ 3 д., соч. Книжнина, муз. Булапа). Отъ появленія Лизки до пріѣзда Константинова труппа разучила еще четыре „малыя оперы“:

* Высшимъ актеромъ вошелъ въ обществъ въ Петербургѣ въ 1802 г. (Араповъ, 189), а провинціи, разумеется, позже. Обычай бросать на сцену деньги являлся въ теоріи въ лондонѣ сороковыми годами („Русскій Вѣстникъ“, 1881, № 4, стр. 696).

** Асакова *Семейная хроника и воспоминанія*, изд. 4-е, стр. 402.

„Несчастіе отъ кареты“ (ком. оп. въ 2 дѣйст. Книжнина, муз. Пашкевича), „Скупяго“ (ком. оп. Книжнина, муз. Пашкевича), „Розану и Любиза“ („драма съ голосами“, въ 4 дѣйст., соч. Николаева, муз. Керцелли), „Аркасу и Прасу“ („маленькая опера“ Майкова, муз. Керцелли. При Константиновѣ, по словамъ Г. О. Квитки, шли „всѣ (?) оперы тогдашняго времени“ и нѣкоторыя комедіи, еще не играныя въ Харьковѣ: „Хвастунъ“ (ком. въ 5 д. Книжнина), „Преступникъ отъ игры или Братомъ проданная сестра“ (ком. въ 5 д., въ стихахъ, соч. Ефимьева), „Наивна или побѣжденное предразсужденіе“ (Вольтера, пер. съ франц. Богданова), „Менехмы или Близнецы“ (соч. Реньяра, передѣлка Лукина), „Тщеславный или чего кому очень хочется, тому и вѣрится“ (соч. Де-Туша, ком. въ 2 дѣйст., пер. съ франц. А. Волкова), „Честное слово“ (ком. въ 4 д., вольный пер. съ нѣм. Малиновскаго) и „Счастливый волокита“ (ком. въ 5 дѣйст., пер. съ франц.). Тогда же была поставлена и „пес plus ultra“ *трагедія* „Беверлей“ (переводъ Дмитревскаго французской передѣлки Мура „Игрокъ“).

Какъ видно, репертуаръ составлялся преимущественно изъ такихъ пьесъ, въ которыхъ, какъ выражается Болотовъ, было „очень много особеннаго, смѣшнаго и такого, что въ состояніи было возбудить въ зрителяхъ и любопытство, и смѣхъ и принудить даже къ самому хохотанію“. Изрѣдка давались и „слезныя комедіи“, когда-то провидяемыя Сумароковымъ, какъ „новый пакостанскій родъ“. Трагедій, кромѣ „Беверлей“, вовсе не играли: ужъ черезъ чуръ дивными показались бы украинцамъ герои русскихъ подражателей Расина и Корнея.

„Оперы“ распѣвались подъ оркестръ, организованный изъ кадетовъ „классическаго пансіона“, состоявшаго при Коллегіумѣ *, учителемъ „класса инструментальной и вокальной музыки“ придворнымъ музыкантомъ М. П. Концевичемъ. Этотъ же оркестръ каждое представленіе „гре-

* „Классы“ французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, географіи, рисованія, а особенно инженерства, артиллеріи и геодезіи были основаны при коллегіумѣ на осн. § 20-го инструкціи, собственноручно написанной Екатериною II-ю для Слободско-Украинскаго губернатора въ 1765 году. Сначала „классы“ состояли въ общемъ вѣдѣніи коллегіумскаго начальства и губернской канцеляріи, но съ 1768 года остались въ вѣдѣніи одного губернскаго правленія. Въислѣдствіе они были преобразованы въ гимназію. (Молодковъ на 1844 стр. 13). Во времена намѣстничества изъ „классовъ“, называвшихся также „классическимъ пансіономъ“, было образована „рота кадетъ“. Классическій пансіонъ и рота кадетъ должны были доставлять чиновниковъ, инженеровъ, архитекторовъ и землемѣровъ. Рота кадетъ образована на сн. въ преимущественно военное начальство, заведеніе и генералитетъ. Кадеты занимались въ дѣтствѣ военными упражненіями, составляли разнородныя построеныя фронты, артиллерію въ дѣтствѣ и въ рукахъ и т. п. Кадеты писали стихи, мандировали, и пользовались другими правами (Смисловъ Г. О. Квитка, 1882).

мѣлъ въ антрактахъ симфонію“. Концевичъ былъ знаткомъ своего дѣла и сочинялъ духовные концерты и другія пьесы, которыя были извѣстны въ свое время гораздо дальше Харькова *. Изъ воспоминаній Ярославскаго, братъ котораго игралъ въ театрѣ на флейтраверсѣ, видно, что музыканты—кадеты получали отъ каждаго спектакля особую плату **.

Новыя пьесы берегались въ ярмаркамъ и дворянскимъ съѣздамъ, въ остальное время публика довольствовалась повтореніемъ стараго репертуара. Посѣтителі театра знали всѣ роли наизусть; когда дѣйствующіе доходили до любимыхъ выражений, зрители повторяли слова за актерами, и такимъ образомъ приписывали дѣятельное участіе въ спектаклѣ.

Источниками театралныхъ доходовъ были: взносы абонированныхъ ложи и кресла и проспектальные сборы. Всѣ 12 ложъ были абонированы „первыми чиновниками“ города, до Константинова по 50 рублей, при немъ—по 100 и по 120 рублей. Вообще цѣны на мѣста Константиновъ значительно увеличилъ. Сначала стоили (считая на мѣбѣ): кресло—рубль (абонементъ 25 руб.), партеръ—60 коп., галерея—25 коп. За ложи, кресла и стулья Константиновъ назначилъ столичныя цѣны ***, удвоилъ цѣну галлерей и абонементы кресель, такъ что при немъ за кресло платилось 2½ руб. (абонементъ 50 руб.), за стулъ 1½ руб., за партеръ рубль, за галерею 25 коп. При первоначальныхъ цѣнахъ полный сборъ, не считая абонированныхъ мѣстъ, доходилъ до 120 рублей, при Константиновѣ болѣе чѣмъ удвоился. До него абонементъ былъ годовой, на всѣ представленія; при немъ для абонемента были опредѣлены два дня въ недѣлю, въ прочіе дни, не исключая и субботы, во время ярмарокъ и дворянскихъ съѣздовъ играли не въ счетъ абонемента. Первое время по открытіи театра представленія давались по вторникамъ и пятницамъ (кромѣ праздничныхъ дней), а потомъ, съ появленіемъ „Лизки“, и по мѣрѣ того, какъ распирался репертуаръ, стали играть чаще, стали играть, слѣдуя примѣру столичныхъ театровъ, и по праздникамъ. Труппа XVIII вѣка, благодаря ея малочисленности и тогдашней дешевизнѣ, благодаря поддержкѣ губернатора, благодаря, наконецъ, незначительности расходовъ на обстановку и жалованье актерамъ и актрисамъ, могла пробавляться харьковскими сборами и

не развѣзжать по сосѣднимъ городамъ.

Декоративная часть постепенно улучшалась. „Губернскій механикъ“ продолжалъ ею заниматься и по открытіи театра. Въ первый-же годъ онъ сдѣлалъ для „Мельника“ мельницу съ вертящимся колесомъ и лошадей съ движущимися погами; на удивленіе публикѣ и актерамъ онъ ухитрился устроить даже посходъ луны. „Когда изъ-за зеленой горы былъ выдвинутъ большой красный шаръ, и дѣйствующіе объясняли: „Эго мѣсяцъ всходитъ!“—рукоплесканія потрясли воздухъ“. Для „Сбитенщика“ и „Добрыхъ солдатъ“ писалъ декорации какой-то „выписной живописецъ“. Когда онъ рисовалъ улицу, „знатоки съѣзжались въ свободные отъ представленій вечера въ театръ, освѣщали его, судили картину, дѣлали свои замѣчанія, требовали исправленія и, наконецъ, одобрили. Костюмы сначала были очень убоги, шились изъ китайки и стамеди и украшались мишурою, новые же дѣлались только при постановкѣ не играныхъ пьесъ. Съ пріѣздомъ Константинова театралная обстановка замѣтно измѣнилась къ лучшему: вѣсто прежняго холстиноваго занавѣса былъ повѣшенъ суконный, явились „гишпанскіе“ костюмы и четыре новыя декорации (улица, лѣсъ, большая и малая комнаты); зрители увидѣли даже, какъ провалился сквозь землю актеръ: три дня занимала всѣхъ такая невидальщина. Не измѣнилась только освѣщеніе; какъ было, такъ и осталось „сально-тусклымъ“: по прежнему на сценѣ пылали плошки, въ ложахъ горѣли салныя свѣчи. Лица, абонировавшія ложи, сами меблировали, отдѣлывали ихъ бархатомъ или атласомъ съ блестящими украшениями *, какъ это было принято когда то и въ петербургскомъ театрѣ Локателли ** и какъ это дѣлалось кое-гдѣ въ провинціи, еще сравнительно недавно, въ сороковыхъ годахъ ***.

Въ провинціальныхъ театрахъ того времени публика извѣщалась о назначенной пьесѣ писанными объявленіями (до 1805 года въ Харьковѣ не было ни одной типографіи); вліятельнымъ лицамъ „объявленія“ присылались на домъ, а для остальной публики прибавлялась одна афиша, написанная крупными буквами, къ фанарному столбу у воротъ дворца. Употреблялся и такъ называемый „аппонсъ“. Передъ послѣднимъ дѣйствіемъ выходилъ актеръ на сцену, низко раскланивался на всѣ стороны и объявлялъ, какаго пьеса идетъ въ слѣдующій разъ. Начинался „аппонсъ“ произнесеніемъ: „почтеннѣйшая публи-

ка“, кончался, если предстоялъ бенефисъ, словами: „N.N. ласкаетъ себя надеждою, что почтеннѣйшая публика удостоитъ его или ее своимъ посѣщеніемъ“ *. При этомъ дѣло не обходилось безъ шутовства: иногда актеръ, явившійся съ „аппонсомъ“, выкидывалъ разные фарсы, чихалъ и т. п. **.

Прислугу театрѣ имѣлъ даровую: сторожей присутственныхъ мѣстъ. Обязанности капельдинеровъ, по приказанію губернатора, исполнялись, и, между прочимъ, питомцами „власическаго пансіона“: у каждаго входа для отбиранія билетовъ стояло „по два кадета съ ружьями“.

Г. О. Квитка съ восторгомъ описываетъ порядки стараго, „беззатѣистнаго“ времени. „Каждый праздничный директоръ театра въ шесть часовъ вечера докладывалъ губернатору и его гостямъ, что пора идти въ спектакль. По покойно устроенной лѣстницѣ всѣ сходили и идутъ по своимъ мѣстамъ. Съ появленіемъ губернатора въ его ложѣ оркестръ гремѣлъ симфонію, непосредственно за нею начиналось представленіе“. Нѣсколько разъ въ годъ „дворцовый“ театръ обращался въ народный. „Въ дни высокоторжественные и въ дни губернаторскихъ именинъ въ театрѣ былъ для всѣхъ свободный входъ; изъ высшаго общества тогда никто не приходилъ. Медвѣдъ въ оперѣ *Два охотника*, всегда даваемой въ этихъ случаяхъ, потѣшалъ ликующую публику“.

Государственный трауръ, объявленный на десять мѣсяцевъ въ ноябрѣ 1796 г., прекратилъ существованіе Харьковскаго театра. Декорации и гардеробъ мѣстное начальство (губернаторъ Тепловъ) продало съ аукціона, а заль сломало. Константиновъ, его актеры и актрисы развѣхались въ разныя стороны. „Съ новымъ царствованіемъ чиновниковъ уменьшилось до одной трети. Было не до спектаклей“.

Харьковъ снова остался безъ театра и не имѣлъ его около двѣнадцати лѣтъ. Время отъ времени въ домѣ родителей Г. О. Квитки устраивались домашніе спектакли и будущій Основьяненко, въ молодости страстно любившій театръ, принималъ въ нихъ самое живое участіе и обыкновенно бралъ себѣ веселыя, комическія роли ***.

Н. Ч.

* Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ, вып. I, отд. I, стр. 88, 89, 91, 92, 146 и 216; отд. II, стр. 417, 420, 424, 437 и 436; отд. III, стр. 32 и 153; Алфавитный указатель, стр. 55.

** Плавильщикова перешелъ съ петербургской сцены на московскую черезъ нѣсколько дней послѣ зачисленія Константинова въ петербургскую труппу. Шушеринъ же перешелъ въ тульскій театръ въ 1795 г. (Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ, вып. I, отд. II, стр. 43—44).

*** Оттуда же съѣхались въ Харьковъ Плавильщикова, Олехаренко съ Константиновымъ, дѣлатель музыкантовъ. (Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ, вып. I, отд. II, стр. 438—439).

* Арапова и Раупаха *Драматическій альбомъ*, 184.

** Устряковъ *Вѣстникъ*, 1819, I.

*** Ст. статьи Семеновскаго Г. О. Квитка (*Московитинъ* 1843 г., № 10 и *Сар. Вѣст.* 1843 г., № 45) и *Украинскіе Старинныя* Данилевскаго, 189.

* Ковалевъ, *Харьковъ въ историческомъ отношеніи къ русской губерніи* (Харк. Библ. 1850 г., № 4).

** Арапова *Драматическій альбомъ*, 184.

*** Г. О. Квитка *Смѣхъ и злость*, 94.

*** Арапова *Драматическій альбомъ*, № 104.